

Научная статья

УДК 397 (304.4)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-126-138

Формирование социальных и хозяйственно-культурных обликов промыслового сообщества долины р. Амур в контексте административно-правовых преобразований советского периода (первая половина XX века)

Ольга Владимировна Мальцева

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
olymals@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>

Аннотация

Рассматривается процесс формирования новых социальных групп и норм быта в промысловой среде Нижнего Приамурья в первой половине XX в. Влияние политических и экономических инициатив Советского государства трансформировало традиционный уклад местного населения, вовлекая его в производственную систему трудовых отношений и сближая с русским населением. Эти изменения способствовали зарождению новой системы хозяйственно-культурной стратификации аборигенного населения, модернизации его образа жизни и укреплению социальной функции бедных слоев как опоры колхозного движения. Они сыграли ключевую роль в культурном строительстве региона, создавая новые культурные коды, которые стали атрибутами этничности в советских реалиях.

Ключевые слова

Нижнее Приамурье, промысловые общины, этнический облик, районирование, коллективизация, модернизация, поселения, интеллигенция

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0003 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика»

Для цитирования

Мальцева О. В. Формирование социальных и хозяйственно-культурных обликов промыслового сообщества долины р. Амур в контексте административно-правовых преобразований советского периода (первая половина XX в.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 3: Археология и этнография. С. 126–138. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-126-138

The Evolution of Social and Economic-Cultural Characteristics of the Amur Valley's Resource-Based Community in the Context of Administrative and Legal Transformations during the Soviet Period (First Half of the 20th Century)

Olga V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
olymals@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3694-7434>

Abstract

Propose. The paper examines the social, economic, and cultural profiles of Amur fishing and hunting communities, molded by Soviet reforms and ideological influence during the first half of the 20th century. Its goal is to reveal the impact of the Soviet legal system on the lifestyles and traditions of Amur fishermen and hunters, while highlighting the specifics of transformation and modernization within their communities.

Results. Communities preserving Siberian (hunting) and Amur (fishing) traditions have taken shape in the Lower Amur region. In the second half of the 19th century, they became integrated into the political, economic, and social framework of the Russian state. Starting in the 1920s, several important issues were addressed for the Amur natives, including the selection of an administrative and territorial structure, the allocation of fishing areas, and the reorganization of their settlement system and daily life. Improving the lifestyle of the indigenous population entailed both integrating them into the labor system that emerged during the industrial expansion in the Lower Amur region and fostering amicable relations with the Russian population. During the 1930s, ideology played a pivotal role in shaping the socio-cultural environment of the region, with the fishing community evaluated through the lens of productive capacity and industrial relations.

Conclusion. In the first half of the 20th century, the political and economic initiatives of the Soviet state in the Lower Amur region not only transformed the traditional ways of life of local communities but also fostered the emergence of a new system of economic and cultural stratification within their population, modernized their lifestyles, and strengthened the social role of the poor, establishing them as the foundation of the collective farm movement.

Keywords

The Lower Amur River area, fishing and hunting communities, ethnic appearance, zoning, collectivization, modernization, settlements, intelligentsia

Acknowledgements

The study was carried out within the R&D project of IAET SB RAS no. FWZG-2025-0003 "Ethnic, cultural, and social processes among the peoples of Siberia and the Far East in the 17th – 21st centuries: formation and dynamics"

For citation

Maltseva O. V. The Evolution of Social and Economic-Cultural Characteristics of the Amur Valley's Resource-Based Community in the Context of Administrative and Legal Transformations during the Soviet Period (First Half of the 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 126–138. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-126-138

В начале XX в. преобразование государственных структур Российской империи на территории Дальнего Востока отразилось на социальной и культурной жизни коренного сообщества района Нижнего Приамурья. Перестройка системы взаимоотношений между властью и подконтрольным ей населением прежде всего затронула общественные институты, посредством которых местные жители позиционировали себя и осознавали свою принадлежность к определенным группам; выстраивали и поддерживали хозяйственную, социальную и культурную коммуникацию между собой. Новые параметры дифференциации амурских «инородцев» должны были соответствовать идейным установкам, социальной иерархии и политико-экономическим запросам Советского государства. Процесс их установления занял практически всю первую половину XX в., и его анализ на сегодняшний день имеет большое значение. Раскрытие многих нюансов формирования групповых идентичностей в изменившихся реалиях служит ключом к пониманию истоков современной этнической картины Нижнего Приамурья, чему и посвящена данная работа. Ее цель – выявление экономических

и социокультурных аспектов трансформации промысловой среды низовьев р. Амур, проходившей с конца XIX до середины XX в. Подобные исследования позволяют также выделить скрытые механизмы и принципы интеграции рыболовецких и охотничьих общин в социальное и культурное пространство государства, основанное на базовых ценностях марксизма-ленинизма.

До становления советской власти на дальневосточной периферии идентификация внутри промыслового сообщества амурской поймы производилась по природно-территориальным, языковым и семейно-родовым критериям. Исследователи второй половины XIX в. отмечали, что естественно-географический фактор сыграл ключевую роль в оформлении местных хозяйственных и культурных профилей. Согласно их данным, всё население нижнего участка Приамурья подразделялось на общности с таежными (сибирскими) практиками, построенными на добыче лесного зверя, и с непосредственно амурским (тихоокеанским) комплексом традиций, базировавшимся на вылове проходной рыбы и морского зверя. Главным рубежом в этом разграничении стало само русло Амура. Жизнедеятельность общин, проживавших непосредственно вдоль основного речного канала, строилась на рыболовстве; жители долины притоков, расположенных в зонах восточносибирской тайги и покрытых широколиственными лесами отрогов Сихотэ-Алиня, поддерживали культурные и хозяйственные контакты с Сибирью [Смоляк, 1975, с. 150–219; 1980]. С развитием внутреннего обмена и установлением торговых контактов с Китаем в амурскую среду проник маньчжурский культурный компонент и практики, связанные с огородничеством [Шренк, 1899, с. 276–314]. Таким образом, хозяйственно-культурный облик коренного жителя Нижнего Приамурья не был однотипным, в разных частях района в нем преобладали автохтонные амурские или тунгусские, маньчжурские черты. Эта сложная палитра сочетаний бытовых и языковых особенностей дополнялась социально-территориальными признаками, когда идентификация групп привязывалась к их местам жительства относительно реки (вверх или вниз по течению), озера или брачно-родовым статусам [Смоляк, 1975, с. 49–52; Суник, 1958, с. 13–14; Штернберг, 1933, с. 30–49, 81–182].

Со второй половины XIX в., в ходе освоения тихоокеанского побережья, Российская империя пыталась найти приемлемые пути для вовлечения аборигенов дальневосточной окраины в свое экономическое и политическое пространство. Для этого использовались наработки, применявшиеся в отношении сибирского коренного населения, в частности «Устав об управлении инородцев» от 1822 г. Согласно ему, все коренные жители Сибири получали наименование «инородцы», и они подразделялись на «оседлых», «кочевых» и «бродячих» [Кряжков, 2010, с. 34–40]. Однако ситуация, сложившаяся в Приамурском крае к началу XX в., уже демонстрировала несостоятельность этого деления. Дифференциация по стратам «кочевые», «бродячие» упиралась в проблему раздробленности амурских «инородцев» и отсутствия у них территориально-родового управления. Кроме того, в силу промышленного освоения территорий и развития обменно-торговых отношений участились случаи ассимиляции коренного населения с китайцами и русскими. Изменившиеся социальные и экономические условия требовали разработки новых правил для регулирования жизни туземцев. Органы царской России осознавали, что для учета и контроля всех подданных империи необходимо в первую очередь провести административно-территориальную реформу, в рамках которой инородческие общины должны получить административно-юридическое устройство на территориальном начале и выборное родовое управление. Отдельно отмечалось, что селения «оседлых инородцев» (занимавшихся рыбным промыслом) будут включены в состав русских волостей, и их инородческое управление организовано в соответствии с нормами крестьянских поселений [Соляровский, 1916, с. 3–36, 50–51, 133–157].

Все эти меры, реализуемые в пределах Приамурского края, с одной стороны, были направлены на сближение промыслового и земледельческого населения. С другой стороны, органы власти пытались избежать конфликтных ситуаций, поэтому на первых порах осторожно проводили политику вмешательства в жизнь рыболовецких и охотничьих общин долины

Амура. Тем не менее правовые инициативы царской России в решении национального вопроса послужили основой для Советской власти на Дальнем Востоке для разработки новых методов управления местными народами. Приказы Министров по национальным делам, планы мероприятий Комитета содействия народностям северных окраин, Протоколы совещаний Комитета Севера, докладные записки и результаты исследований, дневники «Красной юрты», свидетельства очевидцев начала колхозного строительства среди коренного населения отражают процесс формирования параметров этничности в промысловом сообществе Приамурья в первой половине XX в.

Формирование облика рыбака долины р. Амур в правовом поле Советского государства. С приходом Советской власти на Дальний Восток возникла необходимость в реформировании прежней системы управления коренным населением восточной окраины. Ряд законодательных актов касался форм организации промысловых сообществ. План по образованию национально-территориальных устройств коренных народов начал приобретать конкретные черты только в рамках административных реформ Советского государства. В 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», согласно которой все народы, населяющие территорию России, получали равные права и субъектность, т. е. на законодательной основе могли образовывать свои автономии, национальные округа и союзные республики ¹ [Пикалов, Асеев, 2009, с. 9–10]. В конце 1920-х гг. в низовьях Амура было введено туземное районирование, но это территориальное деление оказалось слабым в экономическом и административном исполнении [Туземное хозяйство..., 1929, с. 82–110]. Только к середине 1930-х гг. выделенные в бассейне Амура Нанайский (1934) и Ульчский (1933) районы обрели юридически оформленные границы в составе Хабаровской и Нижне-Амурской областей Дальневосточного края, который в 1938 г. разделился на Приморский и Хабаровский края [Пикалов, Асеев, 2009, с. 62–63].

На самом деле практическому осуществлению идеи территориально-административного устройства национальных окраин предшествовала дискуссия о путях развития этнических меньшинств. Как раз на 1920-е гг. пришлось обсуждение двух стратегий преобразований в промысловых сообществах, инициируемых двумя конкурирующими ведомствами. Народный комиссариат по делам национальностей предлагал наделение всех рыболовецких и охотничьих общин государственным статусом с сохранением их самобытных укладов; Наркомпрос – стандартизацию культурных обликов для достижения экономических, политических целей новой власти. После 1924 г. с роспуском Наркомнаца возобладал практический уклон в переустройстве быта народов. В фокусе национального строительства оказались факты землепользования, хозяйства, системы поселений, а сама культура и человек в ней оценивались с точки зрения производительной силы [Советская этнография..., 2022, с. 50, 56]. На первых порах большую роль в продвижении идеи автономизации сыграли этнографы-североведы, которые отмечали уникальность культур народов северных и восточных окраин и их уязвимость от влияния более развитых соседей, которые рассматривались как причина их отсталости. В низовьях Приамурья коренное население могло испытывать давление со стороны русских переселенцев, китайских торговцев и корейских земледельцев. В целях сохранения его уклада В. Г. Богораз и В. К. Арсеньев обсуждали вариант создания для местных общин племенных резерваций по типу индейских в Америке [Пикалов, Асеев, 2009, с. 37–38; Слезкин, 2008, с. 174]. Примечательно, подобная форма территориальной организации соответствовала идее нацстроительства. Согласно ей, сибирские и дальневосточные народы, якобы стоявшие на пороге «дикости», имели возможность сразу вступить в коммунистическую эпоху, миновав этап классовой борьбы, а их автономизация с установлением административных границ могла служить гарантией защиты от соседей – носителей имперских и колониальных традиций, со сложившимися институтами власти. В 1921 г. на X Съезде РКП был взят курс на самоопределение народов Азиатской части России ² [Слезкин, 2008,

¹ Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С. 40–41.

² Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963.

с. 170]. Однако с решением этого вопроса возникла другая проблема: этот способ мог воспрепятствовать интеграции охотников и рыбаков в «семью» народов и экономическое пространство Советского государства.

В долине Амура все преобразовательные практики развернулись в рыбацких общинах, которые легче было контролировать благодаря их оседлости, поэтому и проведение территориально-административных реформ там не встречало таких сложностей. В новом правовом поле, с одной стороны, фигура рыбака заняла достойное место рядом с пролетарием; с другой стороны, в решении проблемы местного самоуправления он выступал представителем «туземного» сообщества. Согласно Приказу Министра по национальным делам от 1923 г., он получал самостоятельность в организации землепользования и ведении традиционной деятельности. Также была разработана структура управления на местах, в основу которой положены принципы родовой организации и общинного владения угодьями³. Тем не менее комиссия под руководством К. Я. Лукса, занимавшаяся с 1926 г. изучением образа жизни гольдов, отмечала несостоятельность разработанной системы управления по отношению к народам юга Дальнего Востока. Фиксировалось влияние на быт гольдов не только русских, но и китайцев, корейцев. Соответственно, отделить потомственного рыбака от агрария или торговца оказалось практически невозможным. Также смешанный родовой состав коренного населения Нижнего Приамурья служил препятствием для организации в их среде родовых советов⁴.

С 1930-х гг. в долине Амура развернулась кампания «коренизации». Она была нацелена на подготовку национальных «пролетарских» кадров в местные административные аппараты, в учреждения культуры, образования и СМИ. Она позволяла малоимущим представителям коренного населения приобретать новый жизненный опыт, становясь среди своих земляков не только проводниками норм советского общежития, но и ключевыми фигурами патронажной политики советской власти [Пикалов, Асеев, 2009, с. 30–58].

Социально-экономические параметры института «этничности» в низовьях Приамурья в первой половине XX в. Главные маркеры разделения коренного нижнеамурского сообщества на группы связывались с признаками оседлости и участия в хозяйственной жизни дальневосточного населения. По данной причине береговая зона низовьев Амура, издревле освоенная коллективами с ярко выраженными рыбацкими традициями, где в первую очередь создавались рыбопромышленные, лесозаготовительные и золотодобывающие предприятия, оказалась в фокусе обследований статистико-экономических комиссий 1909, 1911, 1926–1928 гг. Если в царской России большое внимание уделялось аграрному потенциалу местности, что являлось важным для расселения крестьянских переселенцев, то в 1920-е гг. акцент исследований сместился на формат туземных хозяйств низовьев Амура, которыми владели 26,6 % людей от всего населения Нижнего Приамурья. Главной задачей сбора данных на нижнеамурской территории, проводившегося в 1926–1928 гг. Комиссией по линии Комитета Севера, было составление хозяйственных характеристик районов, прилегающих к реке и отдаленных от его русла, что стало первым практическим шагом по институализации этничности в среде промыслового сообщества долины Амура [Нужды Николаевского района..., 1911, с. 9–50; Приамурье..., 1909, с. 1–170; Туземное хозяйство..., 1929, с. 3, 6].

Членам Комиссии приходилось выискивать нужный ракурс для обследования местного населения. Они изучали рабочие анкеты промысловых артелей, в которых не только отмечались формы занятости, но и фиксировались родовые названия. Привязка их к определенным местностям послужила основанием для выделения ареалов народностей, в состав которых помимо гольдов, ульчей и орочей вошли самагиры, айны, удэ, негидальцы, гиляки. Пред-

³ Постановления, циркуляры и инструкции Дальревкома, протоколы общих собраний представителей малых народов и переписка с Дальревкомом об организации родовых советов и туземных управ // РГИА ДВ. Р-2137. Оп. 1. Д. 15, 1923. Л. 2, 3, 85.

⁴ Лукс Карл Яковлевич. Доклады, отчеты и информации о результатах обследований туземных районов // РГИА ДВ. Р-623. Оп. 1. Д. 43. Л. 63, 64, 66, 67.

ставляла сложность демаркация территорий их проживания и отнесение некоторых родовых групп к определенным этносам. В результате проведенных опросов удалось очертить ареалы гольдов, самагир, гиляков и тунгусов; территории, занимаемые остальными народностями, имели условные обозначения. В итоге, согласно собранному материалу, обследуемые этнические общности были разбиты на четыре большие группы. В первую включены гольды и самагиры; во вторую – гиляки; третью составили тунгусы и якуты по признаку наличия оленей и кочевого образа жизни; в четвертую вошли остальные народности – ульчи, орочи, негидальцы [Туземное хозяйство..., 1929, с. 11–15].

Подобное разделение внутри нижеамурского сообщества означало применение к его группам разных стратегий модернизации жизни. В первую очередь в каждом из обследуемых районов были выделены поселения с наибольшим количеством хозяйств для размещения в них пунктов продовольственного снабжения (пунктов тяготения) [Там же, с. 32–39]. На следующем этапе планировался переход от снабженческой политики, которая ставила промысловые общины в полную зависимость от государства, к появлению у них кооперативных организаций. Это, в свою очередь, предполагало, что в дальнейшем они смогут самостоятельно принимать решения по выбору путей экономического развития своих районов. Реализация этого проекта, инициированного Далькрайсоюзом, увязывалась с границами выделенных туземных районов. Успешность их экономического развития зависела не только от распределения рыбных угодий между коренным и русским населением, но и от эффективности сельскохозяйственной деятельности⁵. Поэтому переход частных хозяйств на форму кооперирования во многих случаях сопровождался переводом туземных селений из подтопленных мест, как правило расположенных в низменных пойменных зонах реки, на возвышенные участки, удобные для развития земледелия. А это, в свою очередь, влекло изменение картины расселения коренного амурского населения⁶ [Там же, с. 82–133].

Из этого можно сделать вывод, что территория расселения амурских промысловиков условно была разделена на две зоны: с сохранявшейся натуральной формой хозяйствования на боковых реках Амура и запущенным вектором преобразований в районах основного русла реки. Переустройство уклада жителей речной долины базировалось на развитии коопераций с возможностью сбывать товарную продукцию и получать снабжение через обобществленный сектор [Там же, с. 136]. В 1920-е гг., как показали результаты обследования, многие туземные хозяйства имели возможность получать денежный заработок от извоза, работы по найму, кустарных и ремесленных занятий, дохода от сдачи в аренду средств труда. Согласно этим показателям, в большей степени переход к механизированному труду и новым формам занятости наблюдался у ульчей, в меньшей степени – у тунгусов. Население участков низовьев Амура оказалось более восприимчиво к новой модели социально-экономических отношений. Именно там в 1924 г. возникли первые туземные кооперативные объединения Торгонское и Болонское, в 1926 г. – Куканское [Там же, с. 137, 142].

На первом этапе форма кооперации получила развитие в охотничьем промысле, поскольку этот вид занятий не требовал больших организационных усилий. Тем не менее уязвимость охоты от природно-климатических колебаний делала это занятие не столь рентабельным, что заставляло промысловиков искать другие источники доходов⁷. Таким приемлемым вариантом было участие в рыболовных артелях. Они не сразу заняли свою нишу в экономике юга Дальнего Востока, поскольку применение коллективной формы в рыболовстве требовало существенной подготовки и немалых затрат, связанных с приобретением дорогостоящих орудий лова, материалов. К тому же организация рыболовного процесса имела свою специ-

⁵ Были выделены Амуро-тунгусский, Торгонский, Болонский, Горино-самагирский, Амгуно-негидальский, Амуро-гилякский, Лимано-гилякский районы.

⁶ Статья Лукомского «Строительство и работа туземной кооперации», от 10 дек. 1926 г. // РГИА ДВ. Р-623. Оп. 1. Д. 37. Л. 5.

⁷ Протокол совещания Комитета Севера с делегатами IV Краевого съезда советов. Машинопись, от 1930 г. // Архив РАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 907. Л. 1.

фику: коллективный труд использовался на весь период лова и завершался реализацией промышленной рыбы. С окончанием путины деятельность артели замирала и возобновлялась в новом промысловом сезоне. К концу 1920-х гг. в низовьях Амура уже было зарегистрировано до 70 рыболовных артелей (в Амуро-гилякском районе – 54, в Торгонском и Болонском – до 15)⁸ [Туземное хозяйство..., 1929, с. 142–144].

В 1930-е гг. требования госорганов к промысловому труду изменились, его продуктивность измерялась сельскохозяйственными нормами. Вылов рыбы приравнивался к сбору урожая, в рамках плановых заданий устанавливались количественные показатели⁹. Для полноценной работы артели и повышения ее рентабельности необходимо было привлечение специалистов, разбиравшихся в бюджете; инструкторов, отвечавших за добычу и реализацию продукции. Организация этого процесса и контроль выходили за пределы компетенций общинного хозяйства, поэтому зачастую делопроизводством занимались приглашенные люди, из числа русского населения¹⁰. Подобный способ ведения трудовой деятельности способствовал размыванию «туземных» профилей промысловых объединений, делая их смешанными по составу коллективами и комплексными в сфере хозяйствования.

Другой особенностью таких коопераций являлось то, что их формирование происходило на идейной платформе советского государства. Упор на бедные слои общества в нацстроительстве обернулся созданием экономических структур на базе малоимущих бедняцких хозяйств, которые начиная с 1930-х гг. и стали опорой колхозного движения на Амуре [Пикалов, Асеев, 2009, с. 94–95]. Советская власть делала ставку на не имевших хорошего материального благосостояния рыбаков и охотников, повышая их социальный статус различного рода поощрениями (премированием почетными грамотами, отличительными знаками, ценными подарками, поездкой в Москву), этим самым делая их знаковыми фигурами и «достоинными представителями» своих этнических групп [Там же, с. 157–158].

Особенности социально-бытовой и культурной модернизации промысловых общин долины р. Амур в первой половине XX в. Перенастройка уклада всего промыслового сообщества долины Амура на рельсы новой жизни в какой-то мере зависела и от фактора логистики. Пристальное внимание государства к рыболовецким коллективам, освоившим береговую зону реки, объяснялось доступностью их стойбищ, что поневоле делало их участниками крупных инфраструктурных проектов. Вследствие проникновения механизированного труда в среду коренных жителей низовьев Амура их быт и потребности корректировались под стандарты, принятые в переселенческом окружении¹¹. Привитие в среде амурских народов правил стационарного быта оборачивалось кардинальной перестройкой сложившихся на протяжении многих поколений и закрепившихся в повседневной рутине их норм поведения, привычек.

Изменения затронули многие стороны их жизни – от санитарно-бытовых условий, вынашивания и воспитания детей до организации питания. Считавшиеся нормами для коренных жителей Приамурья отсутствие привычки мыться и убирать жилое помещение, разведение большого количества собак, табакокурение с 5–6-летнего возраста, употребление рыбы в сыром виде воспринимались санитарно-эпидемиологическими комиссиями, обследовавшими низовья Амура в 1927 и 1930-х гг., как свидетельства их отсталого существования. Соответственно, в первую очередь в реформировании уклада коренного амурского населения особая роль отводилась проведению санитарно-гигиенических мероприятий. Инструктажи, органи-

⁸ Статья Лукомского // РГИА ДВ. Р-623. Оп. 1. Д. 37. Л. 6.

⁹ Копии тезисов к докладам «Об основных установках интегральной кооперации колхозного строительства на Крайнем Севере» и «По вопросу о классовом расслоении среди малых народов Севера», от 1930 г. // РГИА ДВ. Р-2411. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 8–9; Протокол совещания Комитета Севера // Архив РАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 907. Л. 1, 3.

¹¹ Отчет Дальневосточного бактериологического института, ноябрь 1927 (№ 161). // ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–13; Отчет о годовой работе врачебного пункта на о. Бошняка, 20.03.1930–01.03.1931 // ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 77. Л. 1; Санитарное состояние гольдов (по материалам врачебно-санитарного отряда Далькрайздрава по обследованию туземцев Севера), 20.06–28.09.1929 // ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 79. Л. 44–51.

зубые санитарными отрядами, должны были стимулировать аудиторию к выработке новых привычек, как, к примеру, утилизировать рыбные отходы, пользоваться уборными, мыться в бане и употреблять рыбу, мясо в жареном или вареном виде ¹².

Шаги по нормализации санитарно-эпидемиологической обстановки в нижнеамурском районе были продиктованы необходимостью повышения производительности труда в смешанных рабочих коллективах. В буквальном смысле амурские общины с рыболовецкими традициями должны были перестроить свой быт на стандарты, принятые советской властью.

В среде рыболовов Амура бытовые изменения стали приобретать более отчетливый характер с 1930-х гг., с начала коллективизации на Дальнем Востоке. Вовлечение их в сеть экономических связей сопровождалось действиями, направленными на реформирование их поселенческой структуры. Не только документальные свидетельства, но и воспоминания старшего поколения нанайцев – очевидцев колхозного строительства 1930-х гг., позволяют более полно обрисовать картину, сложившуюся в долине Амура в этот период. Видно, что основные усилия местных властей были сосредоточены вокруг проблемы дисперсного и островного расселения промысловых народов, что затрудняло реализацию проекта коллективизации. Поэтому был намечен переходный период адаптации амурских общин к новым формам общежития. Первоначально жителям было позволено в весеннее и летнее время селиться в стойбищах на островах, но в осенний сезон, с наступлением кетовой путины, они должны были перемещаться на берег и оказывать помощь друг другу с распределением обязанностей по доставке продовольствия и дров на лошадях, вывозу рыбы. Эти временные объединения рыбаков во время осенней лососевой путины и стали первой стадией рыболовецких колхозов на Амуре ¹³.

Следующий путь модернизации уклада коренных жителей Нижнего Приамурья был связан с реформированием системы поселений, которая больше отвечала потребностям промысловых коллективов. Согласно отчетам К. И. Максимовича, проводившего исследования в долине Амура в 1860-х гг., местные общины предпочитали селиться на правом каменистом берегу Амура, вблизи глубоководных мест, где скапливается рыба ¹⁴. Уже со второй половины XIX в. назрела необходимость освоения левого равнинного берега, удобного для выпаса скота и прокладки дорог. В связи с частыми подтоплениями эта зона была не совсем пригодна для долговременных поселений, поэтому переселенцы на новых территориях вынуждены были обосновываться на возвышенностях или на значительном расстоянии от берега. С колхозным строительством требование располагать жилые и хозяйственные постройки на незатопляемых ровных площадках коснулось и аборигенного населения, что для них означало переформатирование их семейного уклада и поиск новых ориентиров в жизнеобеспечении. Фактически уже в 1930-е гг. наблюдалось смещение границ их жилых районов от мест рыбалки к инфраструктурным объектам – сельским административным центрам, фельдшерским и товарным пунктам, что сказывалось на планировке усадеб и интерьере жилищ. На придомовых территориях коренных жителей появились огородные участки и даже сараи для содержания скота, а в их домах – подполья и чердаки.

О том, какое реальное место эти новшества заняли в жизни амурских рыбаков, свидетельствуют архивные источники и результаты опросов современного нанайского населения. В модернизации быта и культуры коренного населения местные органы советской власти делали ставку на внедрение сельскохозяйственных практик. Некоторые представители коренного сообщества были знакомы с технологиями возделывания огородных культур, переняв их от своих соседей – маньчжур и китайцев. Однако приобретенные ими навыки оказались не востребованы в формате колхозного земледелия, для которого характерна разбивка

¹² Отчет Дальневосточного бактериологического института // ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–10, 11–13, 30–31; Санитарное состояние гольдов // ХКА. Ф. 683. Оп. 1. Д. 79. Л. 34–51.

¹³ ПМА. Села Джари, Дада, Хабаровский кр. (инф. М. З. Бельды, М. Г. Кимонко). 2011 г.

¹⁴ Максимович Карл Иванович. Сведения об Амурском крае, 1861–1862 гг. // Архив РАН. Ф. 82. Оп. 1. Д. 21. Л. 10, 16.

больших полей под выращивание определенных сортов овощей и злаков. В дальневосточных условиях получило развитие картофелеводство. Ряд документов той поры свидетельствует о неумелом обращении потомственных рыбаков с этой культурой. Самые распространенные случаи, зафиксированные в жалобах трудовых объединений, – это несвоевременная уборка урожая и оставление его под снегом, ненадлежащее складирование посевного картофеля¹⁵. Одной из причин подобного отношения к госплановым заданиям являлось отсутствие местной привычки употреблять картофель в пищу [Пикалов, Асеев, 2009, с. 162–163]. Хранение его в погребе зимой также воспринималось местными промысловиками как малопонятное действие.

Как показывают результаты полевых исследований, вплоть до середины XX в. нанайцы предпочитали традиционный уклад, несмотря на то что в их среде появлялись дощатые или бревенчатые дома с печным отоплением и с такими отсеками, как чердак и подполье¹⁶. В основном подобные жилища возводились в новых населенных пунктах, и, как правило, их выбирали молодые семьи. Старшее поколение не торопилось покидать насиженные места, находившиеся в речной пойме. Они представляли собой мелкие поселения с полуземлянками, постоянно подтапливаемыми во время разлива реки¹⁷ [Мартынов, 2000]. Некоторые жители этих участков получали выгоду от наводнения, устраивая в своих подпольях ямы для содержания рыбы¹⁸. Другой вариант использования жилого пространства является яркой иллюстрацией разделения между старожилками и их потомками, старым и новым бытом. По воспоминаниям одной жительницы с. Найхин, во время коллективизации, когда все переезжали на новое место, для старших членов ее семьи специально сделали глинобитную пристройку к дому, напоминавшую фанзу, так как они не могли привыкнуть к бревенчатым жилым строениям. Крыша возведенной конструкции была травяной, в помещении располагались нары, которые утеплялись проложенным под ними дымоходом, идущим от центрального очага; тогда как деревянная часть жилища, занятая молодой семьей, обогревалась печным отоплением. Печка и холодное подполье прочно вошли в быт нанайцев только в послевоенное время¹⁹.

Такой же сложной задачей для коллективов, привыкших к полуседлому образу жизни, стал уход за мясо-молочным скотом. Для них было в новинку организовывать выпас скота в летний сезон, готовить сено для зимнего прокорма и строить хлев²⁰ [Пикалов, Асеев, 2009, с. 70]. Отсутствие этих навыков было связано не только с неимением подобной хозяйственной практики, появившейся лишь в рамках коллективизации, но и с традиционным рационом питания, которое не включало молочную продукцию. Коровье молоко попало в меню местных общин с появлением в низовьях Амура переселенцев, и оно заняло свою нишу в посреднических контактах с русскими. Жители стойбищ, расположенных на островах, промыслили рыбу, доставляли ее на берег и взамен от русских соседей получали хлеб, молоко²¹.

Выстраивание подобных отношений обрело и другую форму, дав начало колхозной структуре на Амуре. Немаловажную роль в ее образовании сыграли спецпереселенцы 1930-х гг. из европейской части Советского Союза, которые встали у руля управления поселковыми советами, рыббазами, колхозными организациями²². Они отвечали не только за ход работ в рыболовецких бригадах, но и за качество сельскохозяйственного труда, который стал постепенно приобретать вес в местной экономике. Рядом с поселениями, образованными

¹⁵ Разбор доклада бухгалтера Бельды (протокол № 6) // ААСР (Архив Администрации Солнечного района). Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. 1943–1948 гг. Л. 17–18; ПМА. С. Ачан, Хаб. кр. (инф. Л. А. Киле). 2016 г.

¹⁶ ПМА. Нанайский, Хабаровский р-ны. 2008, 2011 гг.

¹⁷ ПМА. Село Ниж. Халбы, Комсомольский р-н (инф. В. И. Гейкер, Л. Н. Самар). 2008 г.

¹⁸ ПМА. Село Ниж. Халбы (Л. Н. Самар). 2008 г.

¹⁹ ПМА. Село Найхин (Р. А. и С. С. Бельды). 2011 г.

²⁰ Разбор доклада бухгалтера Бельды (протокол № 6) // ААСР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8. 1943–1948 гг. Л. 1–2.

²¹ ПМА. Село Джари (М. З. Бельды). 2011 г.

²² ПМА. Села Даерга (Найхин), Дада, Джари, Лидога (А. К., М. З. и Р. А. Бельды, В. Ч. Гейкер, М. Г. Кимонко). 2011 г.

во второй половине XIX в. русскими, белорусскими, украинскими мигрантами, возникали укрупненные поселки, занятые выходцами из расформированных стойбищ. Как правило, в русских селах размещалась администрация, на которую возлагалась вся ответственность за исполнение плановых заданий.

Еще одним направлением работы с местным населением стало обучение его письменности через сеть вновь созданных школ. Реализация этой программы началась в конце 1920-х гг. с разработки унифицированных алфавитов для народов низовьев Амура [Сем, 1971]. Опросы представителей старшего поколения, чье детство пришлось на 1930-е гг., показывают, что они иногда сталкивались со сложностями в усвоении азбуки. В один год изучался алфавит с латинскими буквами, а в следующий происходил переход на кириллицу, что вносило путаницу в понимание текстов²³.

Сама практика изучения родного языка в среднеобразовательных учреждениях обусловила расслоение внутри поселковых общин. Старшая возрастная группа продолжала использовать в коммуникации местные говоры и диалекты (ей сложно давалось обучение письму); молодое поколение научилось выражать свои мысли через систему написанных на бумаге знаков. Именно эти представители сельской молодежи, получившие дальнейшее образование в Институте народов Севера им. А. И. Герцена в Ленинграде, стали разработчиками культурных практик, определивших параметры этничности современного амурского населения [Бойко, 1973, с. 23–29]. Для многих из них толчком к реформированию жизни односельчан послужили мероприятия организации «Красной Юрты», развернувшей свою деятельность в долине Амура в 1930-х гг. Ее структуры инициировали строительство клубов, общественных бань, пошивочных артелей для женщин, детских садов, пунктов по обучению грамоте во многих населенных пунктах [Путинцева, 2010]. Помощником в этой работе выступала и молодая сельская интеллигенция из числа выпускников Института им. А. И. Герцена. Используя клубные площадки и различные формы культурно-досуговой деятельности, она занималась развенчанием старого образа жизни и борьбой с культурными «пережитками», под которыми подразумевались патриархальный уклад, угнетение женщин, шаманские традиции. Они идейно оформляли новую личность промысловика р. Амур. В ней всё больше проступали черты бригадира рыболовецкого колхоза, оттесняя на задний план локальные, самобытные признаки.

На протяжении первой половины XX в. дифференциация промыслового сообщества долины Амура прошла несколько этапов – от восприятия групп в своем социально-культурном окружении до включения его в систему государственного регулирования (Российской империи и Советского государства). Вовлечение аборигенов амурской территории в правовое, экономическое и социальное пространство Российского и Советского государства происходило в рамках таких инициатив, как развитие промышленности в регионе и подготовка новых территорий для аграрных переселенцев. В ходе решения этих основных задач и предопределялись пути развития местного населения. В формировании его хозяйственно-культурных обликов можно выделить ряд стадий и закономерностей, отражающих изменения в идейных установках правительственных кругов. В начале XX в. управление амурскими народами базировалось на идее их самоопределения и сохранения самобытных укладов, но уже в 1930-х гг. возобладал уклон стандартизации их хозяйственных моделей и социально-бытовых сторон жизни для решения экономических и политических задач Советского государства. В бассейне Амура трансформация промысловых общинных хозяйств началась непосредственно в долине реки, где размещались промышленные фабрики, лесозаготовительные и рыболовецкие артели, что определило характер реформирования уклада местных рыболовов. В конце 1920-х гг. у них прослеживались кооперирование хозяйства, бригадный способ лова и применение сельскохозяйственных практик. К середине XX в. культурная грань между ними и русским населением уже не была столь ярко выраженной, и групповая самоиден-

²³ ПМА. Села Найхин, Сикачи-Алян (Г. И. Бельды, Е. И. Сулова). 2008, 2011 гг.

тификация не строилась на родовых, хозяйственно-культурных, языковых признаках. Можно заключить, что начиная с 1930-х гг. классовый принцип построения общества и акцент на производственных отношениях определили еще одни параметры этничности в промысловой среде Приамурья. В позиционировании человека в своем окружении на первый план стали выходить его профессиональные качества. В галерее социальных образов рыбак занял ту же нишу, что рабочий и крестьянин. В повседневной коммуникации жители приустьевой, средней частей долины Амура и боковых притоков реки стали использовать единые стандарты, выраженные в языке, поведении и культурно-бытовых проявлениях.

Список литературы

- Бойко В. И.** Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973. 280 с.
- Кряжков В. А.** Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010. 560 с.
- Мартынов В.** Из истории исчезнувших нанайских поселений вокруг села Найхин // Зап. Гродековского музея. Хабаровск, 2000. Вып. 3. С. 91–94.
- Нужды Николаевского района Приморской области. СПб.: б. и., 1911. 183 с.
- Пикалов Ю. В., Асеев А. А.** Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг.: социальное развитие. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 240 с.
- Приамурье. Факты, цифры, наблюдения: собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. М.: Гор. тип., 1909. 922 с.
- Путинцева А. П.** Дневники Красной Юрты. Хабаровск: ХКМ им. Н. И. Гродекова, 2010. 350 с.
- Сем Л. И.** История создания письменностей малых народов советского Дальнего Востока // История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток: б. и., 1971. С. 109–119.
- Слезкин Ю. Л.** Арктические зеркала России и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.
- Смоляк А. В.** Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 232 с.
- Смоляк А. В.** Соотношение аборигенного и тунгусского компонентов в хозяйстве народов Нижнего Амура // Народы и языки Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С. 260–266.
- Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]. М.: ИАЭ РАН, 2022. 556 с.
- Солярский В. В.** Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск: б. и., 1916. 174 с. (Материалы по изучению Приамурского края; Вып. 26)
- Суник О. П.** Кур-урмийский диалект: исследования по нанайскому языку. Л.: Госучпедиз Минпроса РСФСР, 1958. 207 с.
- Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927–28 году. Хабаровск; Благовещенск: Дальхотсоюз, Далькрайсоюз, 1929. 152 с.
- Шренк Л. И.** Об инородцах Амурского края. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. Т. 2. 314 с.
- Штернберг Л. Я.** Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.

Список источников

- Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 640 с.
- Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1963. 937 с.

References

- Boiko V. I.** Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya problem razvitiya narodov Nizhnego Amura [The Experience of Sociological Research on the Problems of Development of the Lower Amur Peoples]. Novosibirsk, Nauka, 1973, 280 p. (in Russ.)
- Kryazhkov V. A.** Korennye malochislennye narody Severa v rossiiskom prave [Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in Russian Law]. Moscow, Norma Publ., 2010, 560 p. (in Russ.)
- Martynov V.** Iz istorii ischeznuvshikh nanaiskikh poselenii vokrug sela Naikhin [From the History of Disappeared Nanai Settlements Around the Village of Naykhin]. In: Zapiski Grodekovskogo muzeya [Notes the Grodekov Museum]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2000, iss. 3, pp. 91–92. (in Russ.)
- Nuzhdy Nikolaevskogo raiona Primorskoï oblasti [Needs of the Nikolaevsky District of the Primorsky Region]. St. Petersburg, 1911, 183 p. (in Russ.)
- Pikalov Yu. V., Aseev A. A.** Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka SSSR v 1922–1941 gg.: sotsial'noe razvitie [Indigenous Small-Numbered Peoples of the Far East of the USSR in 1922–1941: Social Development]. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 2009, 240 p. (in Russ.)
- Priamur'e. Fakty, tsifry, nablyudeniya: sobrany na Dal'nem Vostoke sotrudnikami Obshchezemskoi organizatsii [Priamurye: Facts, Figures, Observations: Collected in the Far East by Employees of the Zemstvo Organization]. Moscow, 1909, 922 p. (in Russ.)
- Putintseva A. P.** Dnevnik Krasnoi Yurty [Diaries of the Red Yurt]. Khabarovsk, KhRM Publ., 2010, 350 p. (in Russ.)
- Sem L. I.** Istoriya sozdaniya pis'mennostei malykh narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka [The History of Creating Writing Systems for the Small Peoples of the Soviet Far East]. In: Istoriya, sotsiologiya i filologiya Dal'nego Vostoka [History, Sociology, and Philology of the Far East]. Vladivostok, 1971, pp. 109–119. (in Russ.)
- Shrenk L. I.** Ob inorodtsakh Amurskogo kraia [About the Indigenous Peoples of the Amur Region]. St. Petersburg, Imperial AS Publ., 1899, vol. 2, 314 p. (in Russ.)
- Sternberg L. Ya.** Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'tsy, ainy [Nivkhs (Gilyaks), Orochs, Nanais (Goldys), Negidals, and Ainu]. St. Petersburg, the Far East Publ., 1933, 740 p. (in Russ.)
- Slezkin Yu. L.** Arkticheskie zerkala Rossii i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, New Literary Observer, 2008, 512 p. (in Russ.)
- Smolyak A. V.** Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina (seredina XIX – nachalo XX v.) [Ethnic Processes among the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin (Mid-19th – Early 20th Century)]. Moscow, Nauka, 1975, 232 p. (in Russ.)
- Smolyak A. V.** Sootnoshenie aborigennogo i tungusskogo komponentov v khozyaistve narodov Nizhnego Amura [The Correlation of Aboriginal and Tungusic Components in the Economy of the Lower Amur Peoples]. In: Narody i yazyki Sibiri [Peoples and Languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, pp. 260–266. (in Russ.)
- Solyarsky V. V.** Sovremennoe pravovoe i kul'turno-ekonomicheskoe polozhenie inorodtsev Priamurskogo kraia [The Contemporary Legal and Socio-Economic Status of Indigenous Peoples in the Priamurye Region]. In: Materialy po izucheniyu Priamurskogo kraia [Materials for the Study of the Priamurye Region]. Khabarovsk, 1916, 174 p. (in Russ.)
- Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy]. Moscow, IAE RAS Publ., 2022, 556 p. (in Russ.)
- Sunik O. P.** Kur-urmiiskii dialekt: issledovaniya po nanaiskomu yazyku [The Kur-Urmii Dialect: Research on the Nanai Language]. Leningrad, State Services of the Ministry of Education of the RSFSR, 1958, 207 p. (in Russ.)

Tuzemnoe khozyaistvo nizov'ev Amura v 1927–28 godu [Indigenous Economy of the Lower Amur in 1927–28]. Khabarovsk, Blagoveshchensk, Dalokhotsoyuz, Dal'kraisoyuz Publ, 1929, 152 p. (in Russ.)

List of Sources

Dekrety Sovetskoi vlasti [Decrees of the Soviet Power]. Moscow, Politizdat, 1957, vol. 1, 640 p. (in Russ.)

Desyatyi s"ezd RKP(b). Stenograficheskii otchet [The Tenth Congress of the RCP(b). Stenographic Report]. Moscow, Political Literature Publ., 1963, 937 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Владимировна Мальцева, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 56675784900

WoS Researcher ID Q-2836-2016

RSCI Author ID 244173

SPIN 6102-7058

Information about the Author

Olga V. Maltseva, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 56675784900

WoS Researcher ID Q-2836-2016

RSCI Author ID 244173

SPIN 6102-7058

*Статья поступила в редакцию 26.03.2025;
одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 10.04.2025
The article was submitted on 26.03.2025;
approved after reviewing on 10.04.2025; accepted for publication on 10.04.2025*